

В СЕРИИ
«ВО СЛАВУ ВЕЛИКОГО ДОМА»
ВЫШЛИ:

ПО СЛОВУ БЛИСТАТЕЛЬНОГО ДОМА
ВО СЛАВУ БЛИСТАТЕЛЬНОГО ДОМА
ХАРАМ БЛИСТАТЕЛЬНОГО ДОМА
У ПРЕСТОЛА ОТЦА КОНЕЙ
ПОВЕЛИТЕЛЬ АЛЫХ ОТРОГОВ

Эльберд Гаглоев

ПОВЕЛИТЕЛЬ АЛЫХ ОТРОГОВ

КНИГА 5

Москва
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г12

Гаглоев, Э.

Г12 Повелитель алых отрогов / Э. Гаглоев. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 662 с. — (Во славу Великого Дома).

ISBN 978-5-521-73573-0

Есть два очень важных правила. Нельзя заключать контракты с нехорошими людьми и брать в руки неизвестные предметы. Второе правило нарушил сам кавказский патриот и бизнесмен. А вот первое — его собрат по организму. Ментальный, так сказать родственник. В результате, не успев насладиться общением с не любящей его Столицей, оказался наш герой не в Степи и не в блестящем Нагулане. Оказался он на территориях Потомков Гневных Богов. Которые, как выяснилось, переродились в существа если и не демонические, то явно не человеческие. Промежуточные, но очень неприятные. Причём ввиду явного их численного преимущества пришлось от них отступать гордо и смело, насмерть выматывая противника бегом. Зато в страну существ сказочных и прекрасных. Где можно повстречать повзрослевшего Наполеона Буонапарте. Взойти на легендарные Алые Отроги, насладиться огненными дарами сагут, удивиться умениям таша-гуари. И всё под бодрый звон мечей, сверканье стали и столкновение магических технологий. Осознать, что при приближении дракона надлежит преклонить колено.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-73573-0

© Эльберд Гаглоев, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

*Здесь про очень талантливых людей.
У меня талантливые дочери.
Лерочка и Ладушка – вам.*

Г Л А В А 1

Пришел я в себя от дружеских похлопываний по физиономии. Сначала просто обрадовался вернувшимся ощущениям, но постепенно, сквозь пелену замутненного сознания до меня стало доходить, что похлопывания излишне тяжелы, да собственно и надоело мне. Вот не люблю я, когда меня лицу шлепают. Приду сейчас в себя и отплачу аплодисментами по роже. Я так рассердился, что даже исторг из себя некое угрожающее всхрапывание. Но прозвучало оно исключительно в моем сознании. Рот разговаривать отказывался.

Но как будто расслышав мои немые угрозы, экзекутор колотить меня перестал. Но предпринял другие меры. Просто поменял форму злодейства.

Он начал лить мне на голову тонкой струйкой очень холодную воду и перерывы делал только для того чтобы потереть мне уши. Тоже, доложу я вам, удовольствие из спорных. В общем чтобы спасти себя от всех этих издевательств, глаза я все же открыл. Хотя, доложу я вам, усилий это от меня потребовало огромнейших. Было полное ощущение, что к каждой ресничке прицепили по пудовой гире. Глаза я в общем-то благополучно открыл, но вот видел только некое белое пятно, которое что-то бубнило. Сделал еще одно усилие и включился звук. Как сквозь воду, но все же звук.

— Саин, друг мой, да приходите же в себя, — сказала белое пятно голосом Унго, и я послушался. Хотя должен сразу сказать, что никаких положительных эмоций мне это не принесло.

Первым делом я выяснил что пребываю на изрядном морозце. Хотя с одной стороны было тепло. Потыкал рукой и выяснил, что тепло — потому что это бок Хайгарда. Спирной я опирался на некую твердую поверхность. Вроде дерево. Внизу тоже было тепло и мягко. Пощупал. Колко и хрустко. Потому как солома. А вот сверху явно сыпало снегом. Этого не могло быть потому что вот только что наша беседа происходила в капитальной конюшне с не менее капитальной крышей.

Все эти интеллектуальные усилия положительно сказались на моем внутреннем состоянии и мне все же удалось сфокусировать взгляд и понять, что белое пятно, говорящее голосом Унго, это сам Унго и есть. Вернее, его лицо. Весьма-таки встревоженное, надо заметить. Ну и сам он весь здесь присутствовал.

Ну хоть какая-то ясность. Он сидел передо мной на корточках и растирал мне уши.

Сначала я интеллигентно откашлялся. А потом попросил, чтобы уши мне все же освободили. Унго обрадовался и руки с моих ушей убрал. Но практически сразу опять нахмурился и спросил очень недовольным голосом. Хотя и старался говорить вежливо.

— Куда вы нас в этот раз занесли, друг мой?

— Я? — совершенно честно удивился я. Потому что прекрасно помнил, что мы важно беседовали в теплой капитальной конюшне. Вот в этой самой, только с крышей. Спокойная такая была основательная беседа...А потом мне порекомендовали выбросить некую гадость. А я не по своей воле не послушался и гадость эту сломал. Гадость эта и сейчас пребывала у меня в руке.

Но командир я или не командир. И потому я сурово поинтересовался.

— И где мы?

Ответом мне была групповая пантомима. Унго тяжело вздохнул и широко взмахнул рукой. А Хайгард громко хмыкнул и сдал немного назад. Пантомима ясности не прибавила. Потому что я выяснил что пребываю в яслях той самой конюшни, о которой уже неоднократно упоминал в своем коротком повествовании. Но вот когда я поднял голову, то выяснил, что крыши действительно нет. После чего понял, что для полной ясности эксперимента все же стоит встать.

Встал. И мне сразу захотелось сесть обратно и закрыть глаза. Каким-либо волшебным образом отмотать время назад и никогда больше с железякой, прозванной гадостью, никогда не встречаться.

Причины для этого были самые убедительные. Дело в том, что в этом месте присутствовала только часть конюшни. Вся такая основательная на каменной основе с деревянным полом. Укрытым соломой и с перегородками.

Были и кони. Мои в том числе. И кобылка моя очаровательная. Она тому что я встал, очень обрадовалась. Дело в том, что я её с момента нашего знакомства очень полюбил. Чудесное просто создание. Ну и баловал разными вкусностями. Она об этой моей особенности характера была прекрасно осведомлена. и, увидев, что я встал, обрадовалась. До этого тревожилась. Наверно. И в самой малой степени рассчитывала на деликатес. Так что один радостный звук я услышал практически сразу. Но девичья её радость была перекрыта всхрапыванием гораздо более трубным и возмущенным. Возмущение высказывал заводной. Но это он так назывался просто. По занимаемой должности и исполняемой функции. На самом же деле это был основательный такой боевой конь. Правда, в степном понимании. Могучий, коренастый, неутомимый. Благодетельностью характера он, кстати, тоже особо не страдал. Вот с ним я пока подружился, помучился. Он отно-

сил к нормальной такой категории мужчин, которым необходимо безусловно доказать свое первенство. Так что пришлось применить к нему меры педагогического характера отработанные степными за многие века совместного проживания. Бить его не бил, но вот загрузил до состояния «просто дальше некуда». И хорошенько поведив, от груза этого освободил. Так что осталось у него обо мне воспоминание, как от некоей неприятности избавителя. Но в целом спуску он мне не давал. Вот и сейчас возмущенно всхрапывал, как бы пытаюсь выяснить с какого такого перепуга я его из блестящей Столицы опять в родные степи ввергнул.

Кони были заботливо расседланы, какая-то добрая душа их обиходила и накрыла попонами. Седла и переметные суммы аккуратно висели на деревянной перегородке. С конями воспитательную беседу пытался проводить профессор Хабади. И надо полагать, что до момента моего просыпания, они его внимательно слушали. Но сейчас вождь и учитель в сознание вернулся и выхватил два полных некоторого недоумения лиловых взгляда. Я сделал лицо человека полностью убежденного в правильности совершенно всех принятых мной решений и изобразил некий жест который должен был нести успокаивающую нагрузку. Кони немного успокоились и попытались продолжить общение с профессором. Но теперь уже профессор устремил на меня свой взор. Не светился миром его взгляд. Наоборот. Демонстрировал некое неприятие меня как позитивной персоны. Сердит, попросту говоря, был на меня милейший профессор.

Был здесь и конь Суматохи и он сейчас косился на нас их соседнего денника. Однако нам он уделял совсем не основное внимание. В основном поглядывал на расстилающуюся вокруг ночную степь с явным приглашением побегать показаться. Надо полагать, что за время совместных развлечений со своим неугомонным хозяином он и не такие фокусы наблюдал.